

— Что?! Ли Да собрал тридцать шесть дань с девяти му?!

— Ли Да! Тридцать шесть дань! С девяти-то му!

Слова эти разлетались по деревне Сипин быстрее степного пожара. Не успели староста и его спутники выйти за ворота дома Ли, как новость уже гремела в каждом дворе. Смеркалось. После изнурительной жатвы крестьяне наконец-то позволили себе сесть за ужин, чтобы хоть немного восстановить силы, но теперь кусок не шел в горло.

В этот вечер в Сипин было не до домашних дел: женщины забывали помешивать похлебку в котлах, а отцы — прикрикнуть на расшалившихся детей. Изумление охватило всех. В каждом доме только и слышно было:

— Быть того не может! Мне старина Чжан божился, что сам видел!

— Да врет он всё! Откуда на девяти му тридцать шесть дань? У него там что, не пшеница, а чистое золоторосло? Небось земель у него не девять му, а все восемнадцать!

— Глупости не мели, — обрывал спорщика кто-нибудь подogaдливее. — У Ли Да отродясь было всего десять му засушливых земель. В этом году он еще один му под арахис с бобами отвел, забыл, что ли?

В апреле, на Цинмин, когда вся деревня гуляла на поминках по Ван Эргоу, всем было не до чужих полей. Но нашлись и те, у кого память оказалась крепче:

— А ведь Ли Да весной землю поливал чем-то... Говорил, удобрения. Я еще приглядывался: вонь стояла жуткая, а на вид — обычная мутная жижа. Они с сыном целыми днями от реки воду таскали, спин не разгибая. Да еще после этой жижи арахис с бобами сеять пришлось... К чему такие хлопоты, когда небо и так дождями не обделяло?

Женские пересуды лились бесконечным потоком, пока их не прерывали мужа:

— Да что вы языками чешете! Староста сам к ним ходил урожай записывать! Разве он станет в налоговых книгах врать?

Признавать правду не хотелось, уж слишком невероятной она казалась. Тридцать шесть дань с девяти му — такое и во сне не привидится.

— Нет, не усну я сегодня, пока сам не увижу!

— Куда ты на ночь глядя? Ужин на столе остывает!

Но мужчин было не удержать. Один за другим они вскакивали из-за столов и направлялись к дому Ли Да.

— Оставь, — бросали они женам на ходу, — вернись — поем!

В каждом дворе кипели споры: кто-то верил, кто-то сомневался, но любопытство гнало всех к одной цели.

Услышала новость и тётушка Ван. Их дома стояли бок о бок, и она видела, как староста заходил к соседям, слышала обрывки разговоров, но из-за старой обиды не придавала им значения. Мало ли о чем там Ли Да со старостой толкует? Может, налоги во всей деревне обсуждают.

Но когда она возилась у печи, прибежала старшая невестка, задыхаясь от волнения:

— Матушка! Я только что кур кормила и слышала, как госпожа Тянь за забором кричала: у Ли Да урожай — тридцать шесть дань!

Тётушка Ван едва не выронила кочергу.

— Быть того не может! — отрезала она. — Поменьше слушай, что эта пустомеля болтает.

Она прикрикнула на невестку, не желая верить:

— У Ли Да пшеницей всего девять му засеяно! Откуда там взяться тридцати шести дань? Наслушаются всякой чепухи, а потом несут в дом. У Тянь Ши на языке правды — как волос на ладони. Небось Ли Да прихвастнул, а она и рада стараться, раздула до небес.

Невестка промолчала, хотя сама отчетливо слышала голос соседки.

— И подумать только, — продолжала ворчать женщина, — земли-то у него паршивые, когда-то в деревне их никто брать не хотел, вот Ли Да они и достались. Там и в добрый год урожая кот заплакал.

Она вернулась к делам, но когда ужин был готов, а муж со старшим сыном так и не вернулись, тётушка Ван не выдержала.

— Сходи-ка на улицу, — велела она невестке. — Позови их, еда на столе, а они невесть где шляются.

Невестка вытерла руки и вышла во двор, где тут же столкнулась с возвращавшимися мужчинами. Лицо мужа тётушки Ван выражало крайнюю степень изумления, смешанного с завистью.

— Тридцать шесть дань... — бормотал он под нос. — Как же он так ухитрился? Выходит, та мутная жижа и впрямь землю питает. Хорошего зятя Ли Да в дом взял, ничего не скажешь. Книжник, а в крестьянском деле побольше нашего смыслит.

Невестка застыла, пораженная. Тётушка Ван, вышедшая на шум, тоже лишилась дара речи. Лицо её то бледнело, то краснело, и наконец она выдавила:

— И что, правда — тридцать шесть?

— Правда, — вздохнул муж. — Сам видел, мешки считал. Трижды пересчитывал, глазам не верил. Вся комната ими забита, до самого потолка... Эх!

Тётушка Ван стояла, словно громом пораженная. Чтобы не тратить зря масло в лампе, ужинали во дворе, под бледным светом луны и звезд. Но простая каша не лезла в горло. За забором то и дело мелькали тени — односельчане, один за другим, тянулись к дому Ли. Муж, наспех проглотив свою порцию, подхватил недоеденную лепешку и поспешил следом за остальными.

Лицо тётушки Ван в лунном свете казалось серым от злобы, но никто не обратил на это внимания — все мысли соседей были заняты чужим успехом.

Во дворе дома Ли Да суета не прекращалась.

Стол и стулья так и остались стоять на улице — после ухода старосты семья решила поужинать на свежем воздухе, пока еще не совсем стемнело. Когда Ли Чжоучжоу начал убирать посуду, а отец с мужем собрались заносить мебель, в ворота постучали. Это были сосед Ван с сыном.

Гу Чжао тут же вынес скамью обратно и добавил к ней низкие табуреты, которые сам мастерил зимой. Он чувствовал: гостей сегодня будет много.

И он не ошибся. Ворота дома Ли не закрывались. Ли Да, пребывая в прекраснейшем расположении духа, восседал во главе стола с огромной кружкой чая и радушно встречал каждого. К середине вечера он уже так наловчился, что не ждал вопросов, а сразу указывал на двери хранилища:

— Проходите, считайте, коль охота есть. Двери настежь.

— Это всё наш Чжао'эр придумал! — хозяин дома сиял, и морщинки в уголках его глаз лучились неподдельной радостью.

— Помните, как мы весной поля поливали? Все тогда смеялись, а оно вон как обернулось!

Сначала пришли мужчины. Они говорили прямо, скупно на похвалу, но в глазах их читалось неприкрытое потрясение. Заглядывая в амбар, они только кричали от удивления и поднимали большие пальцы.

— Век живу, а чтобы девять му столько дали — впервые вижу.

— Это ж выходит по четыре дани с каждого му!

Ли Да взглянул на зятя и снова расплылся в улыбке. Позже потянулись тётушки и дядья — эти заходили вместе с мужьями «поглазеть на диковину». Тут уж разговоры пошли иные, цветистые да льстивые.

— Я еще когда Чжоучжоу родился, говорила: благословенный ребенок! — запела одна из тётушек. — Вы посмотрите, какой он справный: и в доме, и в поле всё у него горит! А статный-то какой, а лицом красен! И мужа под стать нашел — Учёный Гу ведь настоящий книжник, а Чжоучжоу-то подстать. Как там говорится? — она соединила большие пальцы. — Идеальная пара!

Слушая это, можно было подумать, что в деревне Ли Чжоучжоу всегда только и делали, что хвалили. А ведь совсем недавно те же языки чесали, что он, мол, приносит несчастья, тощий как палка, и детей от такого ждать не стоит.

— И то верно! Кто в нашей деревне удачливее Чжоучжоу? Ли Да для него ничего не пожалел — восемнадцать лянов за зятя отдал, на всю округу прогремел! И ведь не прогадал: Учёный Гу и собой хорош, и в Чжоучжоу души не чаёт, а теперь еще и в земледелии всех за пояс заткнул. Настоящее сокровище в дом взял!

В этих словах была доля истины, хотя раньше все в один голос твердили, что Ли Да выбросил деньги на ветер и скоро горько пожалеет о своем выборе.

Ли Чжоучжоу слушал эти речи с неловкостью. Не от стыда — он слишком часто слышал о себе гадости, чтобы теперь верить в искренность этих похвал. Он понимал: славословят его только потому, что в амбаре лежат тридцать шесть мешков зерна. Пшеница в деревне — это жизнь, это достаток, это то, что заставляет людей склонять головы.

Он всё понимал, но, глядя на улыбающегося Гу Чжао, который спокойно и с достоинством принимал поздравления, и сам успокоился. Какая разница, что болтают люди? Ли Чжоучжоу живет не ради их слов.

Поэтому он вел себя просто и открыто: радушно предлагал гостям чай, а на похвалы отвечал скромно: «Ну что вы... муж постарался, а отец его поддержал».

Гости пили чай, расточали комплименты, пока наконец кто-то не решился заговорить о главном:

— Чжоучжоу, деточка, мы ведь тебя с малых лет знаем, ты всегда был добрым ребенком... Скажи-ка, милый, как вы эти удобрения-то делали?

Голоса, до этого громкие, невольно понизились. Все затаили дыхание, во все глаза глядя на хозяев. Спрашивать о таком было не по чину — всё равно что выпытывать секрет приготовления тофу у соседа Вана. Кто же станет выдавать рецепт, который приносит богатство?

Никто и помыслить не мог, что Ли Да и Гу Чжао ответят честно, не попросив за это ни единого медяка.

— Да это всё из простых вещей делается, — с улыбкой заговорил Чжоучжоу. — Муж еще говорит, что стерню, которая на полях осталась, пахать не надо. Лучше её выжечь — пепел тоже землю питает. Только вы, дядья да тётушки, будьте осторожны, не спалите соседские наделы.

— Ох, конечно-конечно! Вот ведь спасибо!

Теперь похвалы зазвучали искренне. Никто не ожидал от семьи Ли такой щедрости.

Беседа затянулась, и Гу Чжао пришлось выслушать еще немало восторженных речей. Когда гости начали расходиться, Ли Да взглянул на Гу Чжао — ведь это Чжао'эр попросил его обмолвиться об этом. Учёный Гу, мягко улыбаясь, вышел вперед, и шумная толпа мгновенно притихла. В его спокойном облике было нечто такое, что заставляло людей внимать каждому слову.

— Отец прав. За сам способ наша семья денег не просит. Но для заливных полей нужны особые добавки, их придется покупать. Староста составит списки: кто захочет рискнуть и войти в первую очередь, а кто предпочтет подождать и посмотреть на результат. Сейчас главное — вовремя сдать налог, а остальное решим вместе со старостой.

Слова Учёного Гу были ясными и разумными. Односельчане, оживленно переговариваясь, покидали двор, рассыпаясь в благодарностях. По пути домой они еще долго обсуждали услышанное, и новости эти не давали им покоя.

Когда ворота наконец закрылись, Ли Да спросил:

— Зачем ты велел мне снова про рис упомянуть?

— Видишь ли, отец... Стоило старосте уйти днем, как к вечеру вся деревня уже знала о нашем урожае.

Ли Да кивнул: сосед Ван прибежал первым.

— Мы днем всё обсудили со старостой, и он знает, что мы не ищем выгоды. Но человеческая молва коварна: стоит одному перевернуть слово, и всё изменится. Не ровен час, через пару дней пойдут слухи, будто мы за способ по двести медяков с каждого требуем. И не придется нам потом по сто раз каждому объяснять, если сплетни поползут, — так всем сразу всё ясно станет. А коли кто захочет расспросить подробнее, пусть к старосте идет, всё теперь через него.

Ли Да только диву давался, как у этого юноши так складно работает голова. Он в очередной раз убедился: восемнадцать лянов были потрачены не зря.

Ли Чжоучжоу нагрел воды, чтобы отец и муж могли умыться и согреть уставшие ноги перед сном. Гу Чжао помог тестю занести мебель обратно в дом.

— Отец, ты не серчаешь, что я денег за способ не прошу? — спросил он вполголоса.

— Эх, сынок, плохо ты своего тестя знаешь, — Ли Да добродушно усмехнулся. — Когда мы с Чжоучжоу только отделились от брата, я за один день на пустыре лачугу поставил. Те, кто мне тогда помогал, до сих пор в моем сердце живут. В самое трудное время, когда закрома опустели, а новый хлеб еще не поспел, я к Чжу Лаосы пошел, поклонился и полсвязки монет в долг взял. Долг я вернул, а добро помню.

Мужчина расставил стулья и продолжил:

— Сделай ты этот способ платным — и люди тебе век благодарны не будут. Стану за спиной шептаться, ошибки выискивать. Навоз-то бесплатный, зола — тоже, с чего бы им тебе платить? А коль урожай у кого не взойдет — тебя же первым и проклянут: мол, серебро взял, а дело не выгорело. А возьмешь мало — и вовсе невыгодно получится. Всем миром на земле спины гнем, за такой великий дар и десяти медяков не жалко, но и пользы от них никакой.

Он легко подхватил тяжелый дубовый стол и поставил его на место.

— Наше благополучие от земли зависит. Одно доброе дело стоит дороже тысячи медяков. Если хоть половина деревни будет помнить наше добро... — Ли Да взглянул на тонкое запястье Гу Чжао. Ему вдруг подумалось: когда он состарится и силы покинут его, если односельчане будут помнить их щедрость, они не оставят Ли Чжоучжоу в беде, помогут с жатвой. Разве сможет тот

один со всем управиться?

— Отец? — позвал Гу Чжао, видя, что тесть замолчал.

— Да нет, ничего. Не брать денег — это правильно.

Гу Чжао не стал расспрашивать дальше. Мысли тестя во многом совпадали с его собственными. Плата — это всегда ответственность и лишние пересуды.

Вскоре в доме Ли погасли огни, но деревня Сипин еще долго не спала. Даже те, кто уже лег, ворочались с боку на бок. Особенно не по себе было тётушке Ван: муж, вернувшись, всё уши прожужжал о том, какой Ли Да молодец, какой зять у него умный... Слушать это было невыносимо.

«Неужто и впрямь денег не возьмут?» — гадала она. Не верилось ей в такую бескорыстность.

В следующие несколько дней мужчины деревни были заняты сдачей налога. От семьи Ли пошел Ли Да. В этом году его доля составила сто восемьдесят цзиней — вдвое больше обычного. Мужчина привык таскать тяжести на своих плечах и не считал это за труд.

Ли Чжоучжоу, беспокоясь об отце, вызвался пойти с ним и забрать часть ноши на себя. Но тут прибежал внук старосты и звонко прокричал с порога:

— Дедушка велел передать, дядюшка Ли! Раз у вас в этом году мешков много, завтра погрузите их на нашу повозку, так что Чжоучжоу может дома оставаться!

Староста всё рассчитал верно: он знал, что Чжоучжоу не оставит отца одного с такой ношей, а Учёный Гу для такого дела не годится. Вот и прислал восьмилетнего внука предупредить заранее.

— Вот и славно, — кивнул Ли Да. — Передай деду спасибо за доброту.

Он не стал отказываться — это было бы неуважением к старосте, который явно хотел загладить прошлые размолвки. Хозяин дома даже отсыпал мальчишке горсть арахиса в награду. Ребенок, радостно поблагодарив, умчался домой.

На рассвете мужчины собрались у окраины деревни. У кого семейство было побольше, те и налога сдавали немало — как, например, семья Син-гэ'эра. Ван Шитоу вместе с братом и отцом вынесли тяжелые мешки.

Так повелось издавна: если налог велик — значит, и рук в доме много, есть кому и пахать, и мешки таскать. Те же, у кого силы было маловато, как в семье дяди Вана, обходились тачками. Старик Ван и Ван Эргоу (когда был жив) обычно отлынивали, жалуясь на хвори, так что отдуваться приходилось Ван Сюэ. Дорога в город была долгой и неровной, тачка то и дело застревала в колдобинах, и многие мужчины предпочитали нести мешки на себе — так выходило быстрее.

У въезда в деревню стояли повозки старосты и Ли Эра, груженные зерном. Раньше Ли Эр, завидев старшего брата, воротил нос или в разговорах с соседями называл его пренебрежительно «первым», почти не признавая родства.

Но сегодня он сам поспешил навстречу Ли Да:

— Ох, брат, в этом году у тебя ноша знатная! Тяжело, небось? Давай-ка свои мешки ко мне на телегу, чего зря спину надрывать!

Староста промолчал, наблюдая за ними. Он понимал: Ли Эр пытается подлизаться к брату, и теперь всё зависело от того, как поведет себя тот.

Ли Да даже не взглянул на младшего брата. Он прошел мимо и направился напрямик к повозке старосты. Тот тут же засуетился, помогая уложить мешки на заранее оставленное место. Ли Эр застыл с натянутой, жалкой улыбкой на лице.

Староста, чтобы сгладить неловкость, проговорил:

— Мы еще вчера с моим внуком договорились, что в этом году поедем вместе. Урожай у Ли Да велик, не дело его на себе всю дорогу тащить.

Остальные согласно закивали и тут же обступили Ли Да, расспрашивая об удобрениях для риса. Младший брат, стараясь не привлекать внимания, пристроился с краю и ловил каждое слово.

— Тут староста во всём волен, — коротко ответил Ли Да.

Морщинки на лице старейшины разгладились в довольной улыбке.

— Не спешите, люди добрые, — важно произнес он. — Сдадим налог, а как вернемся, я всех соберу на площади. Там и Ли Да, и Учёный Гу всё нам растолкуют, на вопросы ответят.

Мужчины закивали: «Верно староста говорит, негоже в суете такие дела обсуждать». И хотя о заливных полях еще ничего не было известно, об успехе на засушливых землях говорили все — мешки Ли Да на повозке были лучшим тому доказательством.

Всю дорогу соседи не давали ему проходу, и он, не скупясь на слова, снова и снова рассказывал о своем успехе. Его хвалили, хвалили его зятя и Чжоучжоу, и мужчина чувствовал, как в его душе расцветает небывалая гордость.

Ли Эр шел позади, жадно впитывая каждое слово.

К вечеру, когда налоги были сданы и формальности улажены, утомленные крестьяне двинулись в обратный путь. Добирались уже в темноте, привычно находя дорогу под ногами. Только родители Ван Эргоу всю дорогу причитали, жалуясь то на руки, то на ноги.

— Не ноги же у вас отвалились, — ворчал Ли Эр, сидя на своей повозке.

Мать Ван Эргоу зашла в кашле, причитая, что она «умирает, совсем помирает», пока староста не сжалился и не разрешил ей сесть на свою телегу. Старик Ван так и поплелся за своей тачкой.

Вернулись в деревню уже глубокой ночью. Уставший староста объявил:

— Завтра отдыхаем. Послезавтра жду всех на площади, я к тому времени всё обдумаю.

Дома Ли Да, умывшись и поужинав, с облегчением вытянул ноги.

— Сегодня было легче, чем обычно, — сказал он Гу Чжао и Чжоучжоу. — Староста помог, так что спина цела. Идите спать, дети.

В соседнем доме тётушка Ван тоже донимала мужа вопросами об удобрениях.

— Ли Да сегодня всё еще раз рассказал, я всё запомнил, — отвечал муж, согревая ноги в лохани. — Когда пшеницу посеем, сделаем так же. Главное — стерню не трогать, её выжигать надо.

— А про рис? Что он про заливные поля говорил? — допытывалась жена.

Она знала всё о засушливых землях — пока мужчины были в городе, сельские женщины заглядывали к Ли Чжоучжоу. Но тот был молчалив, как пень, и ничего дельного от него не добились. Тётушка Ван слышала, как соседки выходили от него ни с чем.

Она только кривила губы: «Так я и знала».

Позже, когда женщины собрались у её дома посудачить, госпожа Тянь тоже была там.

— Говорят, и для риса есть способ, — рассуждала одна из соседок. — Мой муж слышал, что Ли Да и за это денег не берет.

— Ну и широкая же душа у этого Ли Да! — удивлялись другие. — И зять у него не из жадных.

Теперь Чжоучжоу хвалили искренне. Все помнили, как раньше злословили за его спиной, но теперь, когда Ли Да и Гу Чжао проявили такое благородство, людям стало неловко за свои старые речи.

Тётушку Ван эти похвалы кололи, словно иголками. Зимняя история с печью всё еще жгла ей сердце — она лишилась выгоды, а муж с сыном попрекали её скупостью. Ей казалось, что Чжоучжоу намеренно не пошел ей навстречу.

«Волк в овечьей шкуре!» — думала она, вспоминая, как когда-то учила Чжоучжоу шить обувь и помогала выжимать простыни в мороз. А теперь он ей и слова доброго не сказал!

Но сейчас все зависели от Ли Да, и тётушка Ван была не настолько глупа, чтобы идти против всех. Она решила зайти с другой стороны:

— Уж и не знаю, правда ли это про заливные поля... Если они такие добрые, отчего же сразу всё не рассказали? Тянут зачем-то...

Госпожа Тянь вскинула брови:

— Поглядим. Ли Да сказал, что денег не возьмет. А ежели обманет — я первая... — она не договорила и, крутнув бедрами, скрылась в доме.

«Тьфу! — подумала тётушка Ван. — И эта туда же, хотела меня подначить, а сама в кусты. Не на ту напала!»

Её раздражение немного утихло. По крайней мере, Тянь Ши тоже видит подвох в этой святости Ли Чжоучжоу.

Когда муж тётушки Ван вернулся и уснул, она долго лежала без сна, обдумывая услышанное. Что-то здесь было не так. Неужели Ли Да сначала пообещал, а теперь решил серебро за секрет вымогать? Или вовсе передумал делиться?

Она толкнула храпящего мужа:

— Ли Да старосте-то весь секрет выдал?

Муж что-то пробормотал во сне и отвернулся.

На следующий день, когда в деревне только и разговоров было, что о грядущем собрании, тётушка Ван снова завела свою волынку:

— Неужто завтра и впрямь всё расскажут? Чего ж тянуть-то было, каждый день на счету...

Кто-то возразил:

— Да Учёный Гу сказал, что для риса нужно что-то покупать. А раз дело касается денег...

— Ах, всё-таки деньги! — подхватила тётушка Ван. — Я так и знала! И сколько же?

— Говорят, немало. Двести с лишним медяков.

Сумма была изрядная. Тётушка Ван тут же оживилась и, глядя на госпожу Тянь, ехидно спросила:

— Двести с лишним медяков, госпожа Тянь! Ваше семейство станет платить такие деньги?

— Станет или нет — не твоя забота! — отрезала Тянь Ши. — Коли тебе дорого — не покупай, никто не неволит!

Она знала: на этот раз тётушка Ван её не проведет.

<http://bllate.org/book/15349/1421887>